Наше творчество

Письма с фронта

Я думаю, что вы тоже когда-нибудь находили на полках у родителей старые книги, журналы, тетради или даже письма, где каким-то другим, ровным, красивым почерком сделаны пометки на пожелтевших полях, что-то выделено, вычеркнуто. Находили старые фотографии, с которых на вас смотрели совершенно другие, незнакомые вам люди, немного странные, но всегда с безупречно красивыми лицами и прической.

– Мама, мама, а что это? – Спросила я, прибежав на кухню и держа в руках старую, покрытую пылью небольшую коробку, внутри которой виднелись пожелтевшие свернутые треугольником листы бумаги.

– Это письма твоего отца… Он писал их, когда был на войне, – спокойно ответила она и продолжила мыть посуду.

– Но ведь с конца войны уже 10 лет прошло! Почему ты мне их не показывала?

– Зачем? Нам и так было нелегко, хочу забыть… Думаю, и тебе лучше не вспоминать.

Какой-то комок встал у меня посреди горла, стало тяжело дышать и в голове никак не укладывались события последних лет:

– Это же мой папа! Как забыть? Ты же сама говорила, что он у нас герой! Что, если бы не он и не тысячи таких же, как он солдат, то нас бы сейчас не было! Ты же говорила...

– Говорила, и что?! И что с того, что говорила? А то, что он не пришел с этой войны, то, что вместо тела нам прислали только медаль, и то спустя два года после окончания войны, что до сих пор мы не знаем жив ли он, это по-твоему справедливо? Разве справедливо, что он не вернулся, что я одна с тобой все начинала сначала? Разве справедливо, что мы до сих пор ничего о нем не знаем, до сих пор ждем? Это справедливо? И нам незачем этого помнить! – Руки ее тряслись, и казалось, что тарелка вот-вот выскользнет из них и разобьется.

– Война… война не обещала быть справедливой, – тихо выдавила я, обняла коробку и, еле сдерживая слезы, побежала в комнату.

В ушах звенело, и слезы все же покатились из глаз. Сев на кровать, я долго не могла понять, откуда в ней столько ненависти и злости, почему она так хочет не вспоминать все то, что произошло тогда, более 10 лет назад.

Перевернув коробку, я вытряхнула на кровать все ее содержимое: пыльные листы бумаги, письма и несколько папиных фронтовых фотографий. Оказывается, я совершенно не помнила

его лица! Я держала его фотографию, где он живой, улыбается – и слезы будто замерли, они не катились вниз, а просто остановились на щеке и вместе со мной всматривались. Я вспомнила его запах, как он, уходя, целовал меня, обнимал, а мне казалось, что у него на щеках живут ежики, вспомнила его голос… И слезы, смотревшие вместе со мной на него, тоже вспомнили все и бросились с моих щек к его фотографии, разбиваясь и превращаясь в прозрачные кляксы.

Потом я нашла самый старый пожелтевший бумажный треугольник, развернула его и начала читать: «Здравствуйте, мои родные...» – это было его первое письмо с фронта.

Спустя час, я знала все: как началась война, а отец в это время был у бабушки в Сталинграде, как он отправился на фронт добровольцем, как было ему тяжело, как в минуты затишья любовался закатом, как скучал по нам с мамой, и как сильно ждал нашей встречи. Из последнего его письма узнала, как он радовался победе в Сталинградской битве, писал, что теперь они погонят немца с нашей земли и что совсем скоро он будет дома. Но больше он так ничего и не прислал, мы ждали его всю войну, искали, ждем до сих пор…

Я перекладывала письма с места на место, перечитывала, думая, что с каждым новым прочтением они расскажут мне, что-то новое, то, чего еще не знала. На глазах то наворачивались слезы, то вдруг появлялась улыбка, я представляла все, о чем он писал, и казалось, что от листов бумаги все еще пахнет его ладонями.

Мама тихо открыла дверь и зажгла свет. Я и не заметила, как наступил вечер и стемнело. Она осторожно присела рядом, обняла за плечи: «Прости… Конечно же он герой, просто мне его очень не хватает». Я обняла ее крепко-крепко, и мы вместе расплакались, то ли от радости, что понимаем друг друга, то ли от горя, что нас только двое. Потом почти до утра она рассказывала мне, как ждала папу, как ждет до сих пор, принесла еще фотографии, рассказала про то, как они познакомились, какую пышную для деревни сыграли свадьбу, как они вместе любовались рассветом и как радовались моему появлению. Рассказала и про то, как все искалечила война, и не только в нашей семье, у всех в деревне, про то, как она ее ненавидит.

Проснувшись утром, я решила, что не стану, как мама молчать, что обязательно расскажу все своим детям и внукам, чтобы они знали и помнили, чтобы не забывали про старые фронтовые письма.

Наталья Минонина,
гр. АБ-514.